

В. Г. Белинский

Взгляд на русскую литературу 1846 года

Виссарион Григорьевич Белинский

Взгляд на русскую литературу 1846 года

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824555

Аннотация

Статья открывает критический отдел «Современника» № 1 за 1847 год под новой редакцией Некрасова и Панаева и является программной как для «Современника», так и для самого Белинского, отчетливо формулировавшего в ней принципы философского материализма. «У себя, в себе и вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения». В свете этой задачи Белинский еще более четко формулирует принципы «натуральной» школы, которая в эту пору с именами Герцена, Григоровича, Тургенева вступала в свой новый, «послеоголевский» этап развития.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский

Взгляд на русскую литературу 1846 года

Настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее. Поэтому говорить о русской литературе 1846 года – значит говорить о современном состоянии русской литературы вообще, чего нельзя сделать, не коснувшись того, чем она была, чем должна быть. Но мы не вдадимся ни в какие исторические подробности, которые завлекли бы нас далеко. Главная цель нашей статьи – познакомить заранее читателей «Современника» с его взглядом на русскую литературу, следовательно, с его духом и направлением как журнала. Программы и объявления в этом отношении ничего не говорят: они только обещают. И потому программа «Современника», по возможности краткая и не многословная, ограничилась только обещаниями чисто внешними. Предлагаемая статья, вместе с статьею самого редактора, напечатанною во втором отделении этого же номера, будет второю, *внутреннюю*, так сказать, программу «Современника», в которой читатели могут сами, до известной степени, поверять обещания исполнением.^[1]

Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости. Само собою разумеется, что подобная характеристика может относиться только к литературе недавней, молодой и притом возникшей не самобытно, а вследствие подражательности. Самобытная литература зреет веками, и эпоха ее зрелости есть в то же время и эпоха числительного богатства ее замечательных произведений (*chef d'oeuvres*). Этого нельзя сказать о русской литературе. Ее история, как и история самой России, не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собою зрелище единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятным, почти бессмысленным, как скоро на нее будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу. Как и все, что ни есть в современной России живо, прекрасного и разумного, наша литература есть результат реформы Петра Великого. Правда, он не заботился о литературе и ничего не, сделал для ее возникновения, но он заботился о просвещении, бросив в плодovitую землю русского духа семена науки и образования, — и литература, без его ведома, явилась впоследствии сама собою как необходимый результат его же деятельности. В том-то, скажем мимоходом, и состояла органическая жизненность преобразования Петра Великого, что оно породило много и такого, о

чем он, может быть, и не думал, чего он даже и не предчувствовал. Даровитый и умный Кантемир, вполовину подражатель, вполовину перелагатель на русские нравы сатир римских поэтов (преимущественно Горация) и их подражателя и перелагателя на французские нравы – Буало, Кантемир, с его силлабическим размером, с его языком, полукнижным, полународным, который, по самой этой смеси, был языком образованного общества того времени, Кантемир и вслед за ним Тредьяковский, с его бесплодной ученостью, с его бездарным трудолюбием, с его схоластическим педантизмом, с его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тонические размеры и древние гекзаметры, с его варварскими виршами и варварским двоекратным переложением Роллена, – Кантемир и Тредьяковский были, так сказать, прологом, предисловием к русской литературе. От смерти первого прошло с небольшим сто два года (он умер 31 марта 1744 года); от смерти второго прошло только с небольшим семьдесят семь лет (он умер 6 августа 1769 года). Тредьяковский был еще в цвете своей славы и еще только шесть лет величал себя «профессором элоквенции и хитростей пиитических»; еще молодой, но больной, слабый и уже близкий к смерти, Кантемир был жив¹, когда в 1739 году двадцативосьмилетний Ломоносов – Петр Великий русской литературы – прислал из немецкой земли свою знаменитую «Оду на взятие Хотина», с которой, по всей справедливости,

¹ Кантемиру тогда было 31 год, а Тредьяковскому – 36 лет.

должно считать начало русской литературы. Все, что сделано было Кантемиром, осталось без следа и влияния в книжном мире; все, что было сделано Тредьяковским, оказалось неудачным, — даже его попытки ввести в русское стихотворство правильные тонические метры... Поэтому ода Ломоносова показалась всем первым стихотворным произведением на русском языке, которое было написано правильным размером. Влияние Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, как влияние Петра Великого на Россию вообще: долго литература шла по указанному им ей пути, но, наконец, совершенно освободясь от его влияния, пошла по дороге, которой сам Ломоносов не мог ни предвидеть, ни предчувствовать. Он дал ей направление книжное, подражательное и оттого, по-видимому, бесплодное и безжизненное, следовательно, вредное и губительное. Это совершенная правда, которая, однакож, нисколько не умаляет великой заслуги Ломоносова, нисколько не отнимает у него права на имя отца русской литературы. Не то же ли самое говорят о Петре Великом наши литературные старообрядцы? И надо сказать, что их ошибка состоит не в том, что они говорят о Петре Великом и созданной им России, а в том, какое они выводят из этого следствие. По их мнению, реформа Петра убила в России народность, а следовательно, и всякий дух жизни, так что России для своего спасения не остается ничего другого, как снова обратиться к благодатным полупатриархальным нравам эпохи Кошихина. Повторяем: ошибаясь в

выводе, они правы в положении, и поддельный, искусственный европеизм России, созданный: реформою Петра Великого, действительно может казаться не более, как внешнею формою без внутреннего содержания. Но разве нельзя того же самого сказать о всех поэтических и ораторских опытах Ломоносова? За что же, по какому же странному противоречию с собственным своим взглядом эти самые люди благоговейт перед именем Ломоносова и с странною раздражительностью принимают за преступление всякое свободное мнение об этом риторе и в поэзии, и в красноречии? Не было ли бы с их стороны гораздо последовательнее и сообразнее с логикою и здравым смыслом и на Ломоносова смотреть так же точно, как смотрят они на Петра Великого?..^[2] Чужое, извне взятое содержание никогда не может заменить ни в литературе, ни в жизни отсутствия своего собственного, национального содержания; но оно может переродиться в него со временем, как пища, извне принимаемая человеком, перерождается в его кровь и плоть и поддерживает в нем силу, здоровье и жизнь. Не будем распространяться, каким образом это сделалось с Россиею, созданною Петром, и русскою литературою, созданною Ломоносовым; но что это действительно сделалось и делается с ними – это исторический факт, истина фактически очевидная. Сравните басни Крылова, комедию Грибоедова, произведения Пушкина, Лермонтова и, в особенности, Гоголя, – сравните их с произведениями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между

ими ничего общего, никакой связи, вы подумаете, что в русской литературе все случайно – и талант и гений; а может ли иметь какую-нибудь важность случайное: не есть ли это призрак, мечта? И действительно: было время, когда вопрос – есть ли у нас литература? не казался парадоксом и многими разрешен был в отрицательном смысле. И такое решение естественно и неизбежно, если русскую литературу судить на основаниях, по которым должно судить историю европейских литератур. Но один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основании ее же самой, а не на основании историй, ничего не имеющих с нею общего, европейских народов. То же и в отношении к истории русской литературы. Между писателями, которых мы поименовали выше, и между Ломоносовым и его школою действительно нет ничего общего, никакой связи, если сравнить их, как две крайности; но между ними сейчас же явится перед вами живая кровная связь, как скоро вы будете изучать в хронологическом порядке всех русских писателей, от Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина все движение русской литературы заключалось в стремлении, хотя и бессознательном, освободиться от влияния Ломоносова и сблизиться с жизнью, с действительностью, следовательно, сделаться самобытною, национальною,

русскою. Если в произведениях Хераскова и Петрова, так незаслуженно превознесенных современниками, нельзя увидеть ни малейшего прогресса в этом отношении, — зато прогресс есть уже в Сумарокове, писателе без гения, без вкуса, почти без таланта, но на которого современники смотрели, как на соперника Ломоносова. Попытки Сумарокова, хотя и неудачные, на комедию из русских нравов, его сатиры, а главное, его простодушно-желчные выходки против *крапивного семени*, равно как и некоторые прозаические статьи, более или менее касавшиеся вопросов современной ему действительности, — все это показывает какое-то стремление на сближение литературы с жизнью. И в этом отношении сочинения Сумарокова, лишенные всякого художественного или литературного интереса, заслуживают изучения, так же как имя его, сперва не по достоинству превозносимое, а потом столько же несправедливо унижаемое, заслуживает уважения в потомстве. Нельзя смотреть, как на бесполезные явления, даже и на Хераскова с Петровым: современники видели в них гениев, превозносили их до седьмого неба, стало быть, читали их, а если читали, стало быть, эти писатели сильно способствовали распространению в России вкуса к занятию и наслаждению литературою. Безобразные притчи Сумарокова явились изящными, по тому времени, переводами французских басен в баснях Хемницера и Дмитриева, а в баснях Крылова они явились впоследствии превосходными народными произведениями. Подражатель Ломоносова,

смиренно благоговевший даже перед Херасковым и Петровым, Державин если не был самобытным русским поэтом, то уже не был и только ритором. Одаренный от природы великим поэтическим гением, он потому только не мог создать самобытной русской поэзии, что для этого не пришло еще время, а не по недостатку естественных сил и средств. Русский язык был тогда еще не выработан, дух книжничества и риторики царил в литературе; но главное – тогда была только государственная жизнь, но не было жизни общественной, потому что тогда не было общества, а был только двор, на который все смотрели, но который знали только принадлежавшие к нему. Не было общества, не было и общественной жизни, общественных интересов; поэзии и литературе неоткуда было брать содержания, и потому они существовали и поддерживались не сами собою, а покровительством сильных и знатных, и носили характер официальный. Так должно смотреть на эту эпоху, сравнивая ее с нашею; но не так должно смотреть на нее, сравнивая ее с эпохою Ломоносова: тут был сравнительно большой прогресс. Если в это время еще не было общества, зато именно в это время оно зарождалось, потому что блеск и образованность двора начинали тогда отражаться и на среднем дворянстве, и тогда же начали устанавливаться в нем те нравы, которые мы видим теперь. И потому, кроме огромной разницы в поэтическом гении, Державин уже имел перед Ломоносовым большое преимущество и со стороны содержания для своей поэзии, хотя он

был человеком без образования, не только без учености. Поэтому поэзия Державина далеко разнообразнее, живее, человечнее со стороны содержания, нежели поэзия Ломоносова. Причина этого не в том только, что Ломоносов был больше превосходный стихотворец, нежели поэт, тогда как Державин от природы получил поэтический гений, но и в сравнительном успехе общества времен Екатерины Великой перед обществом времен императриц Анны и Елизаветы.

По этой же причине литература екатерининского времени решительно заслоняет собою предшествовавшую ей литературу. Кроме Державина, в это время был Фонвизин – первый даровитый комик в русской литературе, писатель, которого теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но которого читать есть истинное наслаждение. В его лице русская литература как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с действительностью: его сочинения – живая летопись той эпохи. В это же время литература наша от древних литератур, изучавшихся в семинариях и на семинарский лад, начала исключительно наклоняться к французской литературе. Вследствие этого начали хлопотать о так называемой *легкой литературе*, в которой блистал Богданович. К концу царствования Екатерины явился Карамзин, давший русской литературе новое направление. Мы не будем говорить о его великих заслугах, его великом влиянии на нашу литературу и через нее на образование нашего общества. Мы не будем также входить в подробности о следо-

вавших за ним писателях. Скажем коротко, что в каждом из них видно постепенное освобождение от книжного, риторического направления, данного Ломоносовым нашей литературе, и постепенное сближение литературы с обществом, с жизнью, с действительностью. Загляните в лицейские стихотворения Пушкина, даже во многие из пьес в первой части его сочинений, им самим изданных, — и вы увидите в них влияние почти всех предшествовавших ему поэтов, от Ломоносова до Жуковского и Батюшкова включительно. Баснописец Крылов, предшествуемый Хемницером и Дмитриевым, так сказать, приготовил язык и стих для бессмертной комедии Грибоедова. Стало быть, в нашей литературе всюду живая историческая связь, новое выходит из старого, последующее объясняется предыдущим и ничто не является случайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Статье Белинского предшествовала статья официального редактора «Современника» А. В. Никитенко «О современном направлении русской литературы» (отд. II, стр. 53–74).

2.

Белинский в частности имеет в виду К. Аксакова, который в своей магистерской диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846) столь противоречиво толковал о Ломоносове и Петре I.